

Рим Ивана Тургенева (1840)

*А.А. Кара-Мурза**Институт философии РАН, Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-124-142

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье исследуется вопрос об определяющей роли, которую Рим сыграл в судьбе Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883). Изучены «римские» пристрастия молодого Тургенева, специализировавшегося по античной литературе и философии в Москве, Санкт-Петербурге и Берлине. Особое внимание уделяется обстоятельствам пребывания 21-летнего Тургенева в «Вечном городе» в феврале – апреле 1840 г. Изучены круг общения Тургенева в римском «салоне Ховриных», его отношения со старшей дочерью Ховриных, Александрой Николаевной, в замужестве Бахметевой (1823–1903), ставшей впоследствии известной российской писательницей на религиозно-философские темы. Обосновывается версия, согласно которой именно юная «Сашенька» Ховрина стала прототипом Лизы Калитиной в романе «Дворянское гнездо», начатом в Риме в конце 1857 г. Прослеживаются «итальянские следы» в литературном творчестве Тургенева: ранней романтической поэме «Стено» (1834), стихотворении «Венере Медицейской» (1837), романе «Накануне» (1859). Автор отмечает, что «цивилизационные» противопоставления «Севера» и «Юга», обильно разбросанные в сочинениях молодого Тургенева, позволяют говорить о том, что в его творчестве нашла своеобразное продолжение традиция «русского северяинства», идущая в нашей литературе от Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, князя П.А. Вяземского.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, А.Н. Бахметева-Ховрина, Италия, Рим, «Вечный город», античная культура, русская литература.

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории Института философии РАН.

a-kara-murza@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

Цитирование: Кара-Мурза А.А. (2018) Рим Ивана Тургенева (1840) // Философские науки. 2018. № 7. С. 124–142.
DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-124-142

Ivan Turgenev's Rome (1840)

A.A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-124-142

Original research paper

Summary

This article examines the significant role that Rome played in the life of Ivan Sergeevich Turgenev (1818–1883). The author researches the “Roman” preferences of young Turgenev, who specialized in ancient literature and philosophy in Moscow, St. Petersburg and Berlin. Special attention is paid to the circumstances of 21-years-old Turgenev’s stay in the Eternal City in February–April 1840 and his relationship with members of Khovrins’ salon in Rome, especially with the eldest daughter of Khovrin, Alexandra Nikolaevna, in marriage Bakhmeteva (1823–1903), who became later a well-known writer on religious and philosophical topics. The author substantiates the version that it was young “Sashenka” Khovrina who became the prototype of Lisa Kalitina in the novel *Home of the Gentry*, started in Rome at the end of 1857. The author studies the “Italian traces” in the literary work of Turgenev: in early romantic poem *Steno* (1834), poem *Venus of Medicis* (1837), novel *On the Eve* (1859), etc. The author notes that the “civilizational” contrasts between the “North” and the “South”, abundantly scattered in the works of young Turgenev, suggest that in his work has found a kind of continuation of the tradition of the “Russian Northernship,” deriving in Russian literature from G.R. Derzhavin, N.M. Karamzin, Prince P.A. Vyazemsky.

Keywords: I.S. Turgenev, A.N. Bahmeteva-Khovrina, Italy, Rome, the Eternal City, ancient culture, Russian literature.

Alexey Kara-Murza – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow, Head of Department of Philosophy of Russian History, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

a-kara-murza@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0302-6500>

Citation: Kara-Murza A.A. (2018) Ivan Turgenev's Rome (1840). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 7, pp. 124–142.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-124-142

Друг для друга теперь двое мы целый народ...
И.С. Тургенев. Из «Римских элегий» Гёте, 1846

Вместо Введения. В преддверии «Вечного города»

20 сентября 1833 г. (1) еще не достигший 15-летия Иван Тургенев был зачислен, после испытаний, своекоштным студентом словесного факультета Московского Императорского университета [Клеман 1934, 21]. Удивительно, но среди своих ровесников (а среди них были будущие знаменитости: Михаил Катков, Юрий Самарин, Федор Буслаев) юный Тургенев выделялся в то время... очень маленьким ростом. «Ростом я был в 15 лет не выше семилетнего», – признавался в конце жизни Тургенев одному из близких друзей [Садовников 1923, 117].

Все начало радикально меняться во второй половине 1834 г., когда окончивший первый курс Московского университета Тургенев переехал с отцом в Санкт-Петербург: «Затем совершилась удивительная перемена после 15 лет. Я заболел. Со мною сделалась страшная слабость во всем теле, лишился сна, ничего не ел, и когда выздоровел, то сразу вырос чуть не на целый аршин (более 70 сантиметров! – А. К.)» [Садовников 1923, 117]. Краткая отметка об этом фантастическом случае имеется и в тургеневском автобиографическом конспекте «Мемориал» за 1835-й год: «Новый год в Петербурге. *Maladie de croissance*» [Тургенев 1983, 197].

Причиной этой «болезни роста», «*maladie de croissance*», стали, в первую очередь, драматичные семейные обстоятельства. 30 октября 1834 г. от обострения мочекаменной болезни, не дожив до 41 года, скончался отец, Сергей Николаевич. Предсмертные мучения красавца-полковника осложнились запутанностью отношений с его «последней любовью» – поэтессой княжной Екатериной Шаховской. Мать юного Тургенева, своенравная Варвара Петровна, уставшая от романов мужа и родившая за год до этого в Италии дочь Варю от домашнего врача А.Е. Берса, демонстративно уехала тогда в новое длительное путешествие по Италии и вернулась в Россию лишь в июне 1835 г. (2)

Результатом этой семейной драмы стало для опасно переболевшего зимой 1834–1835 гг. Ивана Тургенева не только физическое «преображение». «Одновременно с этим, – вспоминал он, – совершилось и духовное перерождение. Прежде я знать не знал, что такое поэзия; а тут математику с меня точно что сдуло (раньше юноша ложился спать, держа под подушкой книжки по

математике и геометрии Л.Б. Франкёра. – А. К.), я начал мечтать и пописывать стихи» [Садовников 1923, 117–118].

Именно с предсмертной болезнью отца совпал первый литературный опыт Тургенева – драматическая поэма «Стено» [Тургенев 1978, 333–383], которая, согласно пометкам автора, была начата 21 сентября и закончена 13 декабря 1834 г. [Садовников 1923, 531]. Действие поэмы, написанной явно в подражание Байрону и Шиллеру [Гершензон 2000б, 247–251; Шиль 1926, 59], происходит в Италии, куда уносились мысли юного Тургенева, специализировавшегося в университете по античной литературе и философии, и куда, в прозаической реальности, отправилась в очередной раз его родная, любимая и, добавим, очень странная матушка (3). На выбор Тургеневым «итальянской темы» повлиял, по-видимому, и шумный успех вышедшей в 1833 г. драматической фантазии Нестора Кукольника «Торкватто Тассо» [Ямпольский 1970, 8–9] (4).

Напомним, что первая сцена тургеневской поэмы «Стено» происходит в освещенном луной Колизее, в развалинах которого романтический герой произносит свой ночной римский монолог: «Там вдалеке сребрится Тибр, над ним таинственно склонились кипарисы... И Рим лежит, как саваном покрыт; там все мертво и пусто, как в могиле... А здесь угрюмо дремлет Колизей, чернеясь на лазури темной неба!» [Тургенев 1978, 334].

Последующие строки 16-летнего Тургенева можно было бы принять за простительную для его возраста поэтическую экзальтацию, если не знать, что юный сочинитель был тогда реально болен и весьма серьезно: «Прошли века над Римом чередой безмолвной и кровавой... Но остался ты, мой Колизей!.. Священная стена!» [Тургенев 1978, 338]. Концовка сцены уже не кажется слишком большой натяжкой: «Мне дурно, сердце ноет... все темнеет... вокруг меня... О... Стено... это смерть...». И далее авторская пометка: «*Падает без чувств*» [Тургенев 1978, 334].

Разумеется, дальнейшее изложение, технически несовершенное и полное смысловых несоответствий (полуживого Стено, например, находят посреди Колизея брат и сестра Джакоппо и Джулия и на руках относят к себе в рыбацкую хижину на берегу теплого итальянского моря – *sic!*), уже очень скоро побудило повзрослевшего Тургенева с иронией отнестись к своему первому литературному опыту. А в зрелые годы в очерке «Литературный вечер у П.А. Плетнева» (1869) он назовет поэму «Стено» «совершенно нелепым произведением» [Тургенев 1983, 11].

Справедливости ради надо добавить, что один из самых вдумчивых исследователей творчества Тургенева М.О. Гершензон отдал должное ранней, «итальянской» поэме Тургенева: «“Стено” – не случайное подражание байроновскому “Манфреду”, он не стоит особняком в творчестве Тургенева: через поэмы 1840-х годов он органически примыкает к его позднейшим произведениям, как *первое звено единой цепи* или как *первый отпечаток единого, развивающегося в опыте, мировоззрения* (курсив мой. – А. К.)» [Гершензон 2000б, 552–553].

С годами увлечение Тургенева греческой и римской Античностью усиливается. Летом 1836 г. он заканчивает философский факультет Санкт-Петербургского университета по 1-му (словесному) отделению со степенью «действительного студента», а в январе 1837 г. успешно защищает выпускную работу на латинском языке «Об эпиграмме Гомера».

Авторская тоска по «нежному Югу», по «пылающей южной любви» заметна и в написанном Тургеневым в 1837 г. стихотворении «Венере Медицейской» [Тургенев 1978, 11], которое П.А. Плетнев выбрал для публикации в «Современнике»: «Не наше чадо ты! / Нет, пылким детям Юга / Одним дано испытать любовного недуга / Палящее вино!.. / Но нам их бурный жар и чужд и непонятен / Язык любви, страстей нам более не внятен / Душой увяли мы» [Тургенев 1978, 11]. Согласно романтически настроенному 19-летнему Тургеневу, «Венера Медицейская», один из общепризнанных художественных символов «нежного Юга» (скульптура, как известно, была найдена при раскопках виллы императора Адриана в Тиволи, под Римом и приобретена потом флорентийским семейством Медичи. – А. К.) продолжает сохранять свою притягательность для все новых поколений «сынов Севера»: «И снова мы к тебе стекаемся толпами... / Молчание храня, с поднятыми очами, любимся тобой... / Ты снова царствуешь! Сынов страны далекой / Ты покорила их пластической, высокой / Своей бессмертной красотой!» [Тургенев 1978, 12].

Юношеское противопоставление «жаркого Юга» и «сумрачного Севера», из неуютных холодов которого герою постоянно хочется вырваться, со временем закрепится и в зрелом творчестве Тургенева. Вспомним, к примеру, отрывок из романа «Накануне», где говорится о принципиальной оппозиции «нежных греков» – и «толстокожих скифов», «античных нимф» – и «северных русалок», которых герой Тургенева, скульптор Шубин, называет «исчадия-

ми запуганной, холодной фантазии», «образами, рожденными в духоте избы, во мраке зимних ночей» [Тургенев 1981, 168]. «Цивилизационные» противопоставления «Севера» и «Юга», обильно разбросанные в сочинениях Тургенева, позволяют говорить о том, что в его творчестве нашла своеобразное продолжение традиция «русского северянства», идущая в нашей литературе от Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, князя П.А. Вяземского [Кара-Мурза 2017; Кара-Мурза 2018].

Как известно, в 1838–1839 гг. Тургенев продолжил занятия греческой и римской Античностью в Берлинском университете, у таких европейских светил, как профессор древнегреческого языка и литературы Филипп Бёк и профессор латыни и латинской литературы, академик Карл Цумпт. Один из авторитетных биографов Тургенева, литератор Б.К. Зайцев, писал об этом периоде жизни своего героя: «В Тургеневе была складка усидчивости, он мог одолевать и латынь, и греческий. Берлинский университет дал ему знание древних языков – он всю жизнь свободно читал классиков» [Зайцев 1999, 36]. Так оно и было: в свой последний приезд в Россию в 1881 г. 63-летний Тургенев, по свидетельству его друга, Я.П. Полонского, «латинские книги читал еще легко и свободно» [Полонский 1983, 392]. Очевидно, прав Г.С. Кнабе, назвавший Тургенева «наиболее “антично соотнесенным” из всех русских писателей XIX века» [Кнабе 2005, 84].

В конце лета 1839 г., уступив настояниям матери, Тургенев был вынужден вернуться в Россию. Осенью и в начале зимы он жил в Петербурге у старшего брата Николая, служившего в столице в конной артиллерии, и готовился к магистерским экзаменам. Однако его не оставляла мысль продолжить обучение в Европе и, возможно, побывать и в Италии, в первую очередь в Риме.

Из писем Тургенева к его старшему товарищу по Берлинскому университету Т.Н. Грановскому мы знаем, что декабрь 1839 г. он провел за чтением «Римских элегий» Гёте: как раз в это время отдельные «элегии» (аутентичное название цикла – «*Erotica Romana*»), в русском переводе А.Н. Струговщикова, стали появляться в петербургских журналах (5).

В письме Тургенева Грановскому от 4 декабря 1839 г. читаем: «Я все не перестаю читать Гёте. Это чтение укрепляет меня в эти вялые дни. Какие сокровища я беспрестанно открываю в нем!» [Тургенев 1982, 144]. «*Erotica Romana*» потрясла Тургенева: «Какая жизнь, какая страсть, какое здоровье дышит в них! Гёте –

в Риме, в объятьях римлянки!» [Тургенев 1982, 144]. И далее: «Эти элегии огнем пролились в мою кровь – как я жажду любви! Но это томление бесплодно: если небо не сжалится надо мной и не пошлет мне эту благодать. А – мне кажется – как я был бы добр, и чист, и откровенен, и богат, полюбуй! С какой радостью стал бы я жить и с ней» [Тургенев 1982, 144]. «Вы это понимаете, – настойчиво спрашивал восторженный Тургенев Грановского, – Вы не станете надо мной смеяться, не правда ли?» [Тургенев 1982, 145].

Чтение «Римских элегий» сказалось даже на физическом состоянии Тургенева: «У меня сделалось очень тягостное сердцебиение – и мне доктором запрещены пряности, чай, кофе, говядина, вино, сладости, женщины и все *grandes émotions* (сильные эмоции. – *франц.*) Скажите на милость – что ж осталось мне?» [Тургенев 1982, 145].

А 14 января 1840 г. 21-летний Иван Тургенев пишет своему наставнику, профессору университета и издателю А.В. Никитенко: «Я уехал в Рим – совсем неожиданно» [Тургенев 1982, 147].

Долгожданный Рим

Ехать в «Вечный город» его соблазнил («подманил», как выразилась узнавшая о случившемся Варвара Петровна) дальний родственник и друг семьи Тургеневых, Павел Иванович Кривцов, направлявшийся в Италию для продолжения службы в русской миссии при Папском престоле. Молодой, но уже опытный карьерный дипломат получил тогда новую должность – «начальника над русскими художниками, посылаемыми в Рим для усовершенствования» [Каштанова 2006]. Именно в санном экипаже Кривцова, оплаченном Императорским Министерством иностранных дел, Тургенев отправился зимой 1840 г. в очередной раз в Европу.

Семьи Тургеневых и Кривцовых состояли в родственных отношениях, а их орловские имения, Спасское и Тимофеевское, были недалеко друг от друга. Полковник-кавалергард С.Н. Тургенев, имея связи в Петербурге, немало способствовал служебной карьере молодых Николая и Павла Кривцовых. Тургеневы приняли живое участие и в судьбе Сергея Кривцова, заключенного после декабрьского восстания 1825 г. в Петропавловскую крепость, а затем сосланного в Сибирь – сначала в гибельный Туруханский край, а затем, благодаря ходатайствам родственников и друзей, в Минусинск (который показался ссыльному «Италией»), и наконец, рядовым на Кавказ [Гершензон 2000а, 283–294].

Павел Кривцов начал работу в русской дипломатической миссии в Риме в 1826 г. – сначала в скромной должности второго секретаря, скорее «проедая» в папском городе доход от орловского имения. Лишь в 1834 г., съездив в Россию, он получил повышение, став первым секретарем посольства с содержанием в 12 000 рублей ассигнациями. Новый скачок в карьере Кривцова произошел после удачной женитьбы на княжне Елизавете Репниной, дочери путешествовавшего по Италии бывшего военного губернатора Малороссии князя Н.Г. Репнина-Волконского и внучке по матери графа А.К. Разумовского.

В 1839 г. П.И. Кривцов в очередной раз приехал в Россию, чтобы, по выражению биографа семьи Кривцовых, М.О. Гершензона, «пожать плоды услуг, которые ему удалось в последнее время оказать царской фамилии» [Гершензон 2000а, 326]. По имперской логике эти «услуги» были весьма значительны: во-первых, Кривцов состоял при наследнике-цесаревиче Александре Николаевиче в бытность того в Риме в начале 1839 г.; во-вторых, именно он, Кривцов, организовал удачную закупку в Тоскане большой партии каррарского мрамора для отделки Зимнего дворца, пострадавшего от недавнего пожара. К моменту отъезда в Италию получивший новое назначение дипломат находился в приподнятом настроении: к Пасхе ему был обещан чин статского советника; государь Николай Павлович обласкал Кривцова, а государыня Александра Федоровна, несмотря на недомогание, приняла его и благодарила за услуги, оказанные сыну-наследнику [Гершензон 2000а, 326–327].

Накануне отъезда из Петербурга, 14 января 1840 г., Павел Кривцов сообщил о совместной поездке с юным Тургеневым в Италию в письме к брату Николаю (на французском языке): «Я покидаю Петербург в обществе Ивана Тургенева, который едет со мной до Рима, чтобы провести там месяц; затем он немного поедит по Италии и вернется в Берлин, чтобы завершить свое образование. Это – образованный и умный юноша – *но настоящий Ленской, студент Геттингенской* (выделенные слова написаны Павлом Кривцовым по-русски. – А. К.). Я восхищен возможностью быть ему хоть немного полезным и сделать для него то, что его отец сделал для меня» [Гершензон 2000б, 556]. И далее – важная приписка, положительно сказавшаяся на дальнейшей судьбе Тургенева: «Если вы увидите в Москве его мать, передайте ей мои комплименты, но *воспрепятствуйте ее приезду в Италию* (выделено мной. – А. К.)» [Гершензон 2000б, 556].

Оставшимся в России Кривцовым, судя по всему, удалось отговорить Варвару Петровну немедленно ехать вслед за сыном в Рим, однако она еще долго выражала крайнее неудовольствие внезапным отъездом Ивана за границу. Даже полгода спустя она все еще не могла успокоиться и 16 июня 1840 г. писала сыну: «Я отпустила тебя в Петербург и курсы твои кончить, и с братом жить. Тебе стало скучно жить с братом, курсы ты в Петербурге не хотел кончить, уверяя меня, что у тебя книг нету – как будто кроме тебя в Петербурге уже никто не держит экзамены в магистры... Я думаю, просто тебе соскучилось и захотелось в Италию, к чему тут вмешался Кривцов и на что ты ему был нужен, этого я уже не понимаю» [Тургенев 1983, 454]. В одном из следующих писем, от 25 июля 1840 г., она вновь вернулась к навязчивой теме: «Отец бы потребовал у тебя строгого отчета твоих занятий и деяний, при отце бы и Кривцов не посмел бы – не приберу слова – подманить. Я, право, не понимаю, что Кривцов-то тут, почему? К чему? На что он тут вмешался? Все это глупо вышло» [Тургенев 1983, 454].

Сам Тургенев припомнил свое зимнее путешествие 1840 г. с Кривцовым от Санкт-Петербурга до Вены в письме к М.А. Бакунину, в конце того же года: «Как для меня значителен 40-й год!.. Вообрази себе – в начале января скачет человек в кибитке по снегам России. В нем едва началось брожение – его волнуют смутные мысли; он робок и бесплодно-задумчив» [Тургенев 1982, 162]. «С ним едет толстый человек, – продолжает Тургенев, – секретарь посольства, пробивший по-своему себе дорогу, человек рассудка – и желудка, попавший в милость, поверхностно насмешливый... презирующий философию и честолюбивый... упрямый по слабости, профан в художестве. Они едут – расстаются в Вене. Молодой человек остается десять дней в жирной столице Австрии и приезжает в Италию, в Рим» [Тургенев 1982, 162].

Досрочное расставание в Вене (первоначально, как мы помним, Тургенев собирался составить кампанию Кривцову до самого Рима) объясняется скорее всего тем, что педантичный, обстоятельный, покровительственно держащий себя Кривцов («человек рассудка – и желудка») попросту наскучил независимому и импульсивному Тургеневу. Тот, считавший себя уже чуть ли не «профессиональным антиковедом», учеником самого академика Цумпта (!), похоже, никак не мог смириться с этим вопиющим, на его взгляд, парадоксом: «профан в художестве» назначен на

должность «начальника русских художников», и не где-нибудь, а в великом Риме!

Итак, проведя десять дней в Вене (об этой декаде в «жирной столице Австрии» нам, увы, ничего не известно), Тургенев в первых числах февраля 1840 г. прибывает в Рим. Он, как и мечтал, въехал в «Вечный город» сам, в торжественном уединении, а не в экипаже чиновника-родственника. Тургенев пробудет в Риме до 12 (24) апреля – более двух месяцев, т.е. значительно дольше, чем первоначально предполагал [Кара-Мурза 2014, 189–199].

Приехав в Рим, Тургенев первым делом нашел квартиру своих знакомых по Берлину – русскую семью Ховриных, снимавших в папском городе весь четвертый этаж в доме по адресу: Via Pontefici, 57. 20 лет назад богатый пензенский помещик и отставной гусарский подполковник, участник Отечественной войны и зарубежных походов, Николай Васильевич Ховрин, встретил в Пензе юную Марию Лужину и женился на ней. В 1820-е гг. пензенское имение Ховриных Саловка (Сергиевское) славилось далеко за пределами края как своей хлебосольностью, так и исключительной красотой, умом и обаянием хозяйки, Марии Дмитриевны Ховриной-Лужиной: частыми гостями этого «дворянского гнезда» были Д.В. Давыдов, князь П.А. Вяземский, Е.А. Баратынский, юный Н.П. Огарев. В семье Ховриных подрастали трое детей: дочери Александра и Лидия и сын Леонид.

Проживая в Москве, Мария Дмитриевна собирала гостей в доме своего брата генерала И.Д. Лужина на Тверском бульваре; сюда приходили А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, С.Т. Аксаков с сыновьями. 19 апреля 1839 г. В.Г. Белинский из Москвы написал письмо в Берлин Н.В. Станкевичу и передал его с юным сыном Ховриных, который уезжал на каникулы к родителям. Между делом Белинский писал Станкевичу и о Ховриной-старшей: «Это премилая и преумная женщина, в которой мне особенно нравится то, что в ней есть живое чувство изящного: она понимает Пушкина и Гоголя... Пожалуйста, познакомься с Марьей Дмитриевной Ховриной» [Бродский Н.Л. (ред.) 1948, 367]. Легко сходящийся с людьми Станкевич так и сделал – и скоро стал одним из постоянных гостей семейства Ховриных.

...Той дождливой весной 1840-го г. Тургенев встретил у Ховриных небольшое общество, каждый из членов которого стал близким для него человеком. Непременным посетителем салона был русский исторический живописец Алексей Тарасович Марков,

квартира-студия которого на *Vicolo del Babuino*, 7, рядом с *Piazza del Popolo*, стала на время пунктом переправки корреспонденции Тургенева. В свое время Алексей Марков, воспитанник Императорской Академии художеств, за успехи в рисовании и живописи был оставлен при Академии, а в 1830 г. за картину «Сократ перед своей кончиной беседует с учениками о бессмертии души» был удостоен Большой золотой медали и отправлен за казенный счет в Италию. В 1834–1836 гг., более двух лет, Марков копировал в папских апартаментах в Ватикане фреску Рафаэля «Пожар в Борго». Потом писал в Риме картины «Фортуна и Нищий» и «Христианские мученики в Колизее», за которые получил звания профессора и академика Академии художеств, а от студентов – неформальное прозвище «Колизей Фортунатович». Старший брат Алексея Маркова, Михаил Тарасович, тоже художник и пенсионер Российской Академии художеств, умер в Риме в 1836 г.

Практически ежевечерне бывали у Ховриных польский композитор и пианист Брингинский, лечившийся в Италии от туберкулеза, близкий друг Ференца Листа, и уже знаменитый к тому времени немецкий художник Карл Рундт, живший в Италии с конца 1820-х гг. и прославившийся пейзажами Рима, а также видами Венеции, Неаполя и Палермо. Такие блестящие знатоки Рима, как Марков и Рундт, друзья-одногодки, и стали первыми проводниками («чичероне») Тургенева по «Вечному городу». А в начале марта 1840 г. в римской квартире Ховриных появились новые гости – из Флоренции приехали знакомые Тургенева по Берлину: философ и литератор Н.В. Станкевич, к тому времени уже, увы, смертельно больной чахоткой [Жукова 2014а; Жукова 2014б], и географ А.П. Ефремов (6).

Как мы помним, юный Тургенев, начитавшийся в начале зимы 1839 г. в Петербурге наполненных эротикой «Римских элегий» Гёте, мечтал отправиться в Рим и там «влюбиться» (7). В те недели в «Вечном городе» он, действительно, серьезно увлекся старшей дочерью Ховриных – 17-летней Сашенькой, по прозвищу «Шушу», – девушкой, склонной к религиозности, музыкально и поэтически очень одаренной и ставшей впоследствии известной детской писательницей на религиозные темы А.Н. Бахметевой (по мужу).

О своем увлечении «Шушенькой» весной 1840 г. Тургенев, судя по всему, регулярно и в самых восторженных красках писал домой матери. Из этих не дошедших до нас писем, Варвара Петровна,

по-видимому, составила себе несколько преувеличенное представление о намерениях сына и даже начала собирать сведения о Ховриных. Ее, конечно, насторожила репутация Марии Дмитриевны – интеллектуалки, поэтессы и держательницы популярного салона. Отговаривая сына от возможных матримониальных планов, Варвара Петровна писала в Рим: «Дочь такой матери может быть хорошо учена, невинна, умна, но! – она не будет помнить правила матери, потому что у матери правил никаких нету. . . Она не будет уметь умереть для мужа и пользы детей. Она не будет друг мужу, и после его смерти не уметь будет кончить начатое отцом воспитание. . . А эти поетки (так Тургенева называла женщин, склонных к сочинительству. – А. К.). . . Оне мне... Ох! Выйдет Шаховская (Варвара Петровна так и не смогла простить покойному мужу его последнего увлечения. – А. К.). Уморят и умрут – и детей оставят своих и чужих сирых» [Тургенев 1982, 455].

То, что у Варвары Петровны были все-таки некоторые основания подозревать сына в намерениях жениться, подтверждают некоторые фрагменты из римских писем Н.В. Станкевича к его друзьям Фроловым во Флоренцию: «У Ховриных мы бываем почти каждый вечер... Тургенев рассказывает всегда что-нибудь примечательное. Вчера сказал он нам, что видел во сне, будто женится на Шушеньке, но уверял, что он боялся этого брака» (из письма от 26 марта 1840 г.); «Тургеневу не снится более Шушу, но вчера вечером, наяву, он с одушевлением говорил о ее красоте» (из письма от 11 апреля 1840 г.) и т.д. [Станкевич 1914, 350, 355].

Именно Сашенька Ховрина станет впоследствии прототипом Лизы Калитиной в романе Тургенева «Дворянское гнездо», начатого поздней осенью 1857 г. в том же Риме – «Вечном городе», навеявшем автору спустя 17 лет массу воспоминаний (8). Интересно, что именно в 1857 г. А.Н. Ховрина, ставшая в замужестве Бахметевой, напишет книгу, которая принесет ей всероссийскую известность: «Рассказы для детей о земной жизни Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа» (до революции эта книжка выдержала 12 переизданий). Очень вероятно, что Тургенев, внимательно следивший за литературными новинками на родине, знал об успешном литературном дебюте Бахметевой-Ховриной.

Если внимательно вчитаться в текст романа «Дворянское гнездо», ставшего поистине рубежным в творчестве Тургенева, то можно заметить, что сам общий абрис «гнезда» литературных

Калитиных вызывает ассоциации с историей, случившейся с молодым Тургеневым в Риме в феврале – апреле 1840 г. Автор даже посчитал нужным сохранить имя и отчество матери Лизы Калитиной: «Мария Дмитриевна» – именно так, как мы помним, звали Ховрину-старшую, у которой, в точности, как и у литературной Марии Дмитриевны Калитиной, в семье было трое детей – две дочери и сын, учившийся в Петербурге.

Однако решающим аргументом в пользу нашей версии (9) является тот факт, что Тургенев включил в канву романа «Дворянское гнездо» свое собственное стихотворение, которое он в 1840 г. посвятил Александре Николаевне Ховриной. Речь идет о произведении «Луна плывет над дремлющей землею», которое имеет подзаголовок «К А.Н.Х.».

Луна плывет над дремлющей землею
Меж бледных туч,
Но движет с вышины волной морскою
Волшебный луч.
Моей души тебя признало море
Своей луной,
И движется и в радости и в горе
Тобой одной.
Тоской любви и трепетных стремлений
Душа полна;
И тяжело мне; но ты чужда смятений,
Как та луна.

[Тургенев 1978, 339]

Это стихотворение Тургенев окончил, по-видимому, на курорте Мариенбад в Богемии в начале осени и оттуда переслал в Берлин своим друзьям М.А. Бакунину и А.П. Ефремову – в большом послании от 20 сентября 1840 г. [Тургенев 1982, 151]. А в начатом в Риме романе «Дворянское гнездо» он в первой же сцене и с минимальными изменениями вложил это стихотворение в уста своего героя, Владимира Николаевича Паншина (10), красивого и беззаботного молодого человека, поющего любовный романс собственного сочинения, посвященный Лизе Калитиной (11).

Можно даже предположить, при каких именно обстоятельствах и даже какого примерно числа Тургеневу весной 1840 г. пришла мысль написать стихотворный этюд о «плывущей луне» и «мор-

ской волне», посвященный Сашеньке Ховриной. В 20-х числах апреля он вместе с Ховриными ездил из Рима в Неаполь, где путешествовал по побережью залива, а в начале мая Тургенев отправился в обратный путь на север и, не заезжая в Рим, через Чивитта-Веккья и Ливорно приплыл пароходом в Геную, откуда 8 мая написал остававшемуся в Риме Н.В. Станкевичу. В этом письме, переданном адресату через художника Маркова, в частности, говорится: «Что, батюшка, ей-богу – престранная вещь: так привык слышать каждый день голосок Шушу – что теперь и грустно. Что еще страннее – так это то, что я почти никогда не говорил с ней более 3-х минут сряду – а так было приятно быть в одной комнате с ней: извините – однажды я с ней говорил долее; *это было во время возвращения из Сорренто, вечером, – ехав вдоль морского берега* (курсив мой. – А. К.)» [Тургенев 1982, 151].

Итак, согласно нашей версии, толчком к написанию Тургеневым стихотворения «Луна плывет над дремлющей землею», посвященного Александре Ховриной и вошедшего потом в «Дворянское гнездо» в виде романса, спетого Лизе Паншиным, явилось их совместное возвращение в открытой коляске из Сорренто в Неаполь – по ночной, освещенной луной дороге, вдоль берега Неаполитанского залива...

После Рима. Вместо Заключения...

Есть сведения, что Тургенев встречался с Ховриными и позднее. Например, в автобиографическом конспекте «Мемориал» за 1842 г. имеется краткая запись Тургенева о его успехах в московских салонах: «Я лев. Ховрина, Блохина, Елагина, Самарины etc. etc.» [Тургенев 1983, 199].

Римская весна 1840 г. останется в памяти Тургенева. Общение с семейством Ховриных, благоговейное преклонение перед умом и не поблекшей к сорока годам красотой Марии Дмитриевны и – особенно – влюбленность в «Шушеньку», пусть и безответная (12), не могли не сказаться на характере будущего писателя, оставившего нам неповторимые женские образы.

Эту сокровенную сторону мироощущения Тургенева тонко подметил близко знавший его П.В. Анненков: «Никто не замечал меланхолического оттенка в жизни Тургенева, а между тем... ему недоставало женской любви и привязанности, которых он искал с ранних пор» [Анненков 1982, 91–92]. И далее Анненков приводит

любимое выражение Тургенева, которое не раз слышал от него самого: «Общество мужчин без присутствия доброй и умной женщины походит на тяжелый обоз с немazanыми колесами, который раздирает уши нестерпимым, однообразным своим скрипом» [Анненков 1982, 92].

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) В дальнейшем изложении все события, имевшие место на территории Российской Империи, как и написанные в России письма, датируются по юлианскому календарю («старому стилю»). Равным образом, все, что будет иметь отношение к событиям в Италии и Германии, будет датировано по принятому в Европе григорианскому календарю («новому стилю»).

(2) Согласно Н.М. Чернову, изучавшему сохранившиеся письма В.П. Тургеневой к сыновьям, та была уверена, что в результате истории с княжной Шаховской ее муж «кончил жизнь насильственной смертью» [Чернов 1973, 234–236].

(3) После почти годичного отсутствия Варвары Петровны и ее возвращения в Россию близкая знакомая Тургеневых, В.И. Кривцова, писала сыну Николаю: «Неутешная вдова все такая же чудиха и нимало не огорчена. Навезла пропасть нарядов из чужих краев и наряжается» [Гершензон 2000а, 316].

(4) Даже В.К. Кюхельбекер, близкий друг Пушкина, находившийся тогда в заключении в Свеаборгской крепости, записал в дневнике, что сочинение Кукольника о великом итальянском поэте – «лучшая трагедия на русском языке, не исключая “Годунова” Пушкина, который, нет сомнения, гораздо умнее и зреее, гораздо более обдуман, мужественнее и сильнее в создании и в подробностях, но зато холоден, слишком отзывается подражанием Шекспиру и слишком чужд того самозабвения, без которого нет истинной поэзии» [Кюхельбекер 1929, 233].

(5) Возможно, уже зимой 1839–1840 гг. Тургенев сверял перевод «Римских элегий» Струговщикова с оригиналом Гёте. В 1846 г. он, усовершенствовав к тому времени свои познания в немецком, предпринял попытку собственного перевода двенадцатой «элегии» из гётевского цикла «*Erotica romana*»: «Мы же с тобою вдвоем отпразднуем радостный праздник / Друг для друга теперь двое мы целый народ». Сильнейшее влияние «Римских элегий» испытал в свое время и молодой Александр Герцен. Когда он с семьей впервые приехал в Рим в ноябре 1847 г., он снял за большие деньги (а они у него были!) те самые комнаты на Via del Corso, в которых в 1786–1788 гг. жил и творил Гёте [Кара-Мурза 2006, 5–17].

(6) Немного оправившись в Риме, Н.В. Станкевич, в сопровождении Варвары Дьяковой (в девичестве Бакуниной) и Александра Ефремова, отправился – через Флоренцию и Геную – к ломбардскому озеру Комо для

дальнейшего лечения. Однако в сорока милях к северу от Генуи, в городке Novi Ligure, Станкевич скончался в ночь с 24 на 25 июня 1840 г.

(7) Эта тема – «поехать за границу – и там влюбиться» – с легкой руки Тургенева, станет популярной среди русских литераторов. Со временем «традиционные места» – Рим и Париж – заменил, например, Неаполь. В апреле 1891 г. ироничный Антон Чехов писал родным: «Завтра еду в Неаполь. Пожелайте, чтобы я встретился там с красивой русской дамой, по возможности с вдовой или разведенной женой. В путеводителях сказано, что в путешествии по Италии роман непременно условие. Что ж, черт с ним, я на все согласен. Роман так роман» [Кара-Мурза 2016, 233].

(8) 3 января 1858 г. Тургенев писал из Рима в Санкт-Петербург графине Е.Е. Ламберт: «Я теперь занят другою, большою повестью, главное лицо которой – девушка, существо религиозное» [Тургенев 1987, 283].

(9) Чаще всего историки-краеведы называют среди прообразов литературной Лизы Калитиной (в конце тургеневского романа, как известно, ушедшей в монастырь) орловских девушек: Евдокию Коротневу, жившую некогда в крайнем доме по улице Верхне-Дворянской и из-за несчастной любви постригшейся в монахини в 19 лет; игуменью Введенского женского монастыря Серафиму (в миру Варвару Соковину); игуменью Антонию – мценскую помещицу Александру Соколову и т.д. [Александрова 2008; Седойкина 2004, 11].

(10) В «Дворянском гнезде» Паншин изображен Тургеневым с иронией и, разумеется, с оттенком самоиронии, ибо тот слишком напоминает самого автора в ранней молодости: «очень недурен собою, всегда здоров и на все готов»; «мило пел, бойко рисовал, писал стихи, весьма недурно играл на сцене» [Тургенев 1981, 15].

(11) По сравнению с литературным оригиналом 1840 г. в «романсе Паншина» из «Дворянского гнезда» Тургенев чуть изменил несколько строф: ст. 1 («Луна плывет высоко над землею...»); ст. 9 («Тоской любви, тоской немых стремлений...»); ст. 11 («Мне тяжело... Но ты чужда смятений...»)) [Тургенев 1981, 17].

(12) Летом 1865 г. в Спасском-Лутовинове И.С. Тургенев вспоминал о юной Александре Ховриной: «Она была очень мила и, кажется, втайне чувствовала большую симпатию к Станкевичу, который отвечал ей дружеским, почти отеческим чувством» [Тургенев 1980, 362].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александрова 2008 – Александрова Л.М. Тургенев в Орле. – Орел: Издательство А.В. Воробьева, 2008.

Анненков 1857 – Анненков П.В. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография. – М.: Типография Каткова и К°, 1857.

Бродский (ред.) 1948 – В.Г. Белинский и его корреспонденты / под ред. Н.Л. Бродского. – М., 1948.

Гершензон 2000а – *Гершензон М.О.* Декабрист Кривцов и его братья // *Гершензон М.О.* Избранное. В 4 т. Т. 2. – М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. С. 179–370.

Гершензон 2000б – *Гершензон М.О.* Мечта и мысль И.С. Тургенева // *Гершензон М.О.* Избранное. В 4 т. Т. 3. – М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. С. 541–631.

Жукова 2014а – *Жукова О.А.* К интеллектуальной истории русского европеизма // *Философские науки.* 2014. № 1. С. 103–115.

Жукова 2014б – *Жукова О.А.* Философия культуры Николая Станкевича: к вопросу о русском европеизме // *Вопросы философии.* 2014. № 7. С. 81–89.

Зайцев 1999 – *Зайцев Б.К.* Жизнь Тургенева // *Зайцев Б.К.* Собр. соч. В 5 т. Т. 5. Жизнь Тургенева: Романы-биографии. Литературные очерки. – М.: Русская книга, 1999.

Кара-Мурза 1993 – *Кара-Мурза А.А.* Что такое российское западничество? // *Полис. Политические исследования.* 1993. № 2. С. 90–96.

Кара-Мурза 2006 – *Кара-Мурза А.А.* Интеллектуальные портреты. Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв. – М.: Институт философии РАН, 2006.

Кара-Мурза 2014 – *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Риме. – М.: Издательство О. Морозовой, 2014.

Кара-Мурза 2016 – *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Неаполе. – М.: Издательство О. Морозовой, 2016.

Кара-Мурза 2017 – *Кара-Мурза А.А.* Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г.Р. Державин // *Философские науки.* 2017. № 8. С. 121–134.

Кара-Мурза 2018 – *Кара-Мурза А.А.* «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности) // *Вопросы философии.* 2018. № 3. С. 7–13.

Каштанова 2006 – *Каштанова Е.В.* Начальник над русскими художниками в Риме П.И. Кривцов // *Вопросы истории.* 2006. № 9. С. 146–151.

Клеман 1934 – *Клеман М.К.* Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева. 1818–1883. – М.: Accademia, 1934.

Кнабе 2005 – *Кнабе Г.С.* Тургенев, античное наследие и истина либерализма // *Вопросы литературы.* 2005. № 1. С. 84–110.

Кюхельбекер 1929 – *Дневник В.К. Кюхельбекера.* Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов. – [Л.], 1929.

Полонский 1983 – *Полонский Я.П.* И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину // *И.С. Тургенев в воспоминаниях современников.* В 2 т. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1983. С. 358–407.

Седойкина 2004 – *Седойкина К.А.* Заповедная зона // *Орловская правда.* 8 октября 2004 г.

Станкевич 1914 – Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 (ред. и изд. А. Станкевича). – М., 1914.

Тургенев 1978 – *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Соч. В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. – М.: Наука, 1978.

Тургенев 1980 – *Тургенев И.С.* Воспоминания о Н.В. Станкевиче // *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Соч. В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 5. – М.: Наука, 1980.

Тургенев 1981 – *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Соч. В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 6. – М.: Наука, 1981.

Тургенев 1982 – *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Письма. В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. – М.: Наука, 1982.

Тургенев 1983 – *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Соч. В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 11. – М.: Наука, 1983.

Тургенев 1987 – *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Письма. В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. – М.: Наука, 1987.

Чернов 1973 – *Чернов Н.М.* Повесть И.С. Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // Вопросы литературы. 1973. № 9. С. 234–236.

Шиль 1926 – *Орловский С.* [С.Н. Шиль]. Лирика молодого Тургенева: опыт описания. – Прага: Пламя, 1926.

Ямпольский 1970 – *Ямпольский И.Г.* Поэзия И.С. Тургенева // *Тургенев И.С.* Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1970. С. 5–59.

REFERENCES

Aleksandrova L.M. (2008) *Turgenev in Orel*. Orel (Russia): A.V. Vorobyov publ. (in Russian).

Annenkov P.V. (1857) *Nikolai Vladimirovich Stankevich. His Correspondence and Biography*. Moscow: Katkov & Co. Publ. (in Russian).

Brodsky N.L., ed. (1948) *V.G. Belinsky and His Correspondents*. Moscow (in Russian).

Chernov N.M. (1973) I.S. Turgenev's Novel "First Love" and its Real Sources. *Voprosy literatury*. 1973. No. 9, pp. 234-236 (in Russian).

Clement M.K. (1934) *Chronicle of Life and Work of Ivan Turgenev. 1818–1883*. Moscow: Academia (in Russian).

Gershenzon M.O. (2000a) Dekabrist Krivtsov and His Brothers. In: Gershenzon M.O. *Selected Works*. Vol. 2 (pp. 179–370). Moscow; Jerusalem: Universitetskaya kniga (in Russian).

Gershenzon M.O. (2000b) Dream and Thought of I.S. Turgenev. In: Gershenzon M.O. *Selected Works*. Vol. 3 (pp. 541–631). Moscow; Jerusalem: Universitetskaya kniga (in Russian).

Kara-Murza A.A. (1993) What is Russian Westernism? *Polis. Political Studies*. 1993. No. 2, pp. 90-96 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2006) *Intellectual Portraits. Essays on Russian Political Thinkers of 19th-20th centuries*. Moscow: Institute of Philosophy Russian Academy of Science (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2014) *Famous Russians on Rome*. Moscow: O. Morozova publ. (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2016) *Famous Russians on Naples*. Moscow: O. Morozova publ. (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2017) Russia as “North.” Metamorphoses of National Identity in the 18th-19th Centuries: G.R. Derzhavin. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2017. No. 8, pp. 121-134 (in Russian).

Kara-Murza A.A. (2017) “Russian Severest” of Princes Vyazemsky (on the Question of National Identity). *Voprosy Filosofii*. 2018. No. 3, pp. 7-13 (in Russian).

Knabe G.S. (2005) Turgenev, the Ancient Heritage and the Truth of Liberalism. *Voprosy Literatury*. 2005. No. 1, pp. 84-110 (in Russian).

Kuchelbecker W.K. (1929). *Diary of V.K. Kuchelbecker. Materials for the History of Russian Literary and Social Life of the Years of 1810-1840*. Leningrad (in Russian).

Polonsky I.P. (1983) I.S. Turgenev in His Last Nisit to the Homeland. In: *Ivan Turgenev in the Memoirs of Contemporaries*. Vol. 2 (pp. 358-407). Moscow: Nauka (in Russian).

Sedoykina K.A. (2004) Protected Area. *Orlovskaya Pravda*. October 8, 2004 (in Russian).

Shil S.N. [Orlovskiy S.] (1926) *Lyrics of Young Turgenev: An Experience of Description*. Prague: The Flame (in Russian).

Stankevich N.V. (1914) *Correspondence of Nikolai Stankevich. 1830-1840*. Moscow (in Russian).

Turgenev I.S. (1978) *Complete Works and Letters in 30 volumes*. Works in 12 volumes. Second Edition. Vol. 1. Moscow: Nauka (in Russian).

Turgenev I.S. (1980) *Complete Works and Letters in 30 volumes*. Works in 12 volumes. Vol. 5. Moscow: Nauka (in Russian).

Turgenev I.S. (1971) *Complete Works and Letters in 30 volumes*. Works in 12 volumes. Vol. 6. Moscow: Nauka (in Russian).

Turgenev I.S. (1982) *Complete Works and Letters in 30 volumes*. Letters in 18 volumes. Vol. 1. Moscow: Nauka (in Russian).

Turgenev I.S. (1983) *Complete Works and Letters in 30 volumes*. Works in 12 volumes. Vol.11. Moscow: Nauka (in Russian).

Turgenev I.S. (1987) *Complete Works and Letters in 30 volumes*. Letters in 18 volumes. Vol. 3. Moscow: Nauka (in Russian).

Yampolsky I.G. (1970) Poetry of I. Turgenev. In: *I.S. Turgenev. Verses and Poems* (pp. 5-59). Leningrad: Sovetskiy Pisatel (in Russian).

Zhukova O.A. (2014a) On the Intellectual History of Russian Europeanism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2014. No. 1, pp. 103-115 (in Russian).

Zhukova O.A. (2014b) Philosophy of Culture of Nikolay Stankevich: on the Question of Russian Europeanism. *Voprosy filosofii*. 2014. No. 7, pp. 81-89.